

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 525-534
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.525

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Rural Population of the Historical Region of the Belgorod Line in the Context of the Economic Development of the Territories of the “Wild Field” in the XVII-XVIII centuries

Denis A. Lyapin ^a, Nikolay A. Zhironov ^{a, *}

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The article presents the experience of the temples in the study of the local territory of the Central Chernozem region during the XVII-XVIII centuries. It was the territory of the Belgorod line – a complex of military installations on the southern frontier of Russia. The authors focus on the rural population of three large districts: Voronezh, Belgorod and Yelets. Census books, economic notes to the maps of the general land surveying of 1795 became the basis for scientific work. The article draws important conclusions about the features of the internal colonization of Russia, shows the specifics of this phenomenon on the example of the southern frontier territory. It is established that the construction of a complex of military defense structures in the 1650s played an important role in the economic development of a vast and fertile region. This event significantly changed the social structure of society and disrupted the traditional development of landownership, but this made it possible to begin intensive land development and ensure a military offensive to the south. As a result, by the end of the 17th century, the form of small land ownership without peasant households (single-yard) began to prevail in the region. Small landowners became the main social element in the structure of local society. Despite reforms of Peter the Great and the advance of the border to the south, the situation has not changed. In 1795, the number of small landowners exceeded the number of peasants. The formation of this specific social element created favorable conditions for internal colonization.

Keywords: Belgorod line, Central Chernozem region, small landlords, census books, internal colonization.

1. Введение

Данная статья представляет собой попытку осмысления специфики внутренней колонизации земель России на примере региона современного Центрального Черноземья. Исторически решающую роль в его хозяйственном освоении сыграл процесс строительства Белгородской черты – огромного комплекса военно-оборонительных сооружений, построенного в 1650-е годы для защиты южных рубежей Московского государства. Военная защита не только создала условия для устойчивого развития, но и вызвала также демографический рост и изменения социальных градаций, сохранившихся здесь впоследствии на несколько столетий.

Территорию современного Центрального Черноземья в XVI – первой половине XVII вв. обычно называли «Подем», однако в современных работах часто можно встретить термин «Дикое поле». На самом деле под этим термином понимали не обрабатываемый землевладельцем участок земли в принятой тогда трехпольной системе севооборота, куда входили также «пашня» и «перелог». Однако на иностранных картах «Московии» термином «Дикое поле» ошибочно обозначали обширные степные и лесостепные пространства, тянувшиеся от Оки на юг. Именно под таким значением термин прочно вошел в российскую историографию. В данной статье он употребляется по большей части и в

* Corresponding author

E-mail addresses: zhironov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhironov), lyapin-denis@yandex.ru (D.A. Lyapin)

силу своего лексико-семантического наполнения, как символ упадка и заброшенности, т.е. природной дикости как антитезы цивилизации и культуре.

Колонизация земель за р. Окой, начавшаяся во второй половине XVI в. стала важным шагом к расширению территории быстро развивающейся державы московских наследников Ивана Калиты. Это был первый опыт освоения степных территорий страной, сформировавшейся в лесной зоне междуречья Оки и Волги. Как известно, этот опыт был положительным: «Дикое поле» в условиях военного противостояния с Крымским ханством, а позже и с Османской империей вошло в состав Российского государства, хотя его хозяйственное освоение проходило еще долго. С конца XVI до конца XVII вв. граница страны отодвигалась на Юг, образуя огромный фонд пустых внутренних земель, нуждавшихся одновременно в военной защите и экономическом развитии.

Предлагаемая читателю статья является итогом исследования особенностей внутреннего освоения пространств территории Центрального Черноземья, «Дикого поля», ставшего к XIX в. богатым хлебным краем. Два столетия понадобилось России, чтобы освоить обширные пустые территории. Для достижения поставленной цели, учитывая ограниченность объема статьи, мы будем использовать материалы нескольких уездов, которые наиболее показательны, а именно Белгородского, Воронежского и Елецкого.

2. Материалы и методы

Источниками исследования послужили массовые статистические описания XVII–XVIII вв. из фондов 1209, 350 и 1355 Российского архива древних актов (г. Москва, Российская Федерация).

Методологическая база работы основана, прежде всего, на диахронном методе. Его применение позволило выстроить историю развития региона Центрального Черноземья за двести лет в четкой последовательности. Данные, полученные в ходе обработки массовых архивных источников, позволили проследить появление социальных элементов в общественной структуре и установить специфику их дальнейшего развития. Для систематизации полученных сведений использовался историко-генетический метод, основанный на принципе историзма. В исследовании социально-экономических процессов, особенно связанных со второй половиной XVII – началом XVIII вв. авторами применялся статистический метод, позволивший систематизировать количественные данные.

Работая с массовыми источниками информации, имевшими, главным образом, фискальные цели (платежными, писцовыми и переписными книгами), мы исходили из относительности их данных для получения статистической информации. Тем не менее использование в исследовании вероятно-статистического метода помогло определить общее направление исторического развития территории. В таком контексте типологический метод позволил сделать важнейшие выводы, характеризующие социальную структуру общества рассматриваемого региона.

3. Обсуждение

Вопрос о внутренней колонизации земель стремительно расширяющегося Российского государства является особенно значимым, учитывая соотношение размеров страны и относительно небольшую численность ее жителей. Обобщающей работой в этом направлении является труд профессора Кембриджского университета А. Эткинда, вышедший на русском языке в 2013 г. ([Эткин, 2013](#)). Автор попытался осмыслить исторические процессы расширения границ России на протяжении нескольких столетий. Книга вызвала неизбежную дискуссию и несколько новых работ ([Эткин и др., 2013](#); [Уффельманн, 2013](#)). К сожалению, исследование А. Эткинда содержит мало фактического материала и много отвлеченных рассуждений. Не менее спорной является работа американского историка М. Ходарковского, связанная с изучением расширения границ России в сторону степного юга ([Ходарковский, 2019](#)). В этой книге основное место занимает среднеазиатская тематика и специфика устройства кочевого общества местного населения. В отличие от Эткинда Ходарковский оправдывает стремление России к расширению, считая, что прочный мир с кочевниками был невозможен. Так или иначе оба автора обратили справедливое внимание на важность проблемы внутреннего освоения территории подвластных российской короне и поставили ряд важных вопросов.

Проблема внутренней колонизации европейской части России была показана Л.В. Миловым, считавшим, что именно в этой плоскости лежит краеугольный камень развития российской государственности. Историк указывал также на климат и техническую специфику орудий труда русского земледельца как дополнительные факторы, определяющие особенности развития общества, тесно связанные с освоением внутренних пространств государства ([Милов, 2001](#)).

На существенную роль новоприобретенных Москвой плодородных сельскохозяйственных земель, нуждавшихся в распашке, обратила внимание американская исследовательница К. Белкин-Стивенс в монографии о военных преобразованиях и экономическом развитии южной окраины допетровской России ([Stevens Belkin, 1995](#)). Значение хлебных ресурсов для развития Российского государства подчеркивали Р. Смит и Д. Христиан в специальном исследовании, посвященном русской еде и напиткам ([Smith, Christian, 1984: 23-24](#)).

Современные российские ученые часто рассматривают проблему освоения новых земель в контексте концепции фронта. Отчасти эта проблематика близка нашей работе, несмотря на то, что граница, определявшая фронтальную зону, отодвинулась далеко на юг, однако изучаемая нами территория по сути являлась наследником фронта и процессов, связанных с этим явлением (Мизис, Кащенко, 2011; Жуков, Лямин, Канищев, 2013).

4. Результаты

Первый шаг в освоении земель «Дикого поля» был сделан в 1560-е годы, когда началось укрепление уездов по р. Оке. В 1563 г. здесь был построен Новосиль, в 1566 г. – Орел, а затем в верховьях Дона – Епифань. В 1568 г. появился Данков – небольшая сторожевая крепость еще ниже по течению Дона. Со временем от Тулы к Рязани протянулась единая оборонительная линия – засечная черта. В конце XVI в. правительство принимает решение оттолкнуться от укреплений на Оке и отодвинуть границу на юг, по рекам Дон и Оскол, вторгнувшись в пределы пустых черноземных земель, которые традиционно считались зоной влияния Крымского ханства. Таким образом, в последние годы XVI в. русскими были возведены 8 «степных» крепостей: Ливны (1586), Воронеж (1586), Елец (1592), Курск (1596), Оскол (1596), Белгород (1596), Царев-Борисов (1599) и Валуйки (1599). Несмотря на влияние Смутного времени, хозяйственное освоение и заселение региона Верхнего Дона шло поступательно, о чем свидетельствуют данные за 1615 г. по Воронежскому и Елецкому уездам (Жиров, 2019).

Следующий существенный шаг, связанный с продвижением степной границы, относится к 1630-м гг. Воспользовавшись Смоленской войной, крымские татары обрушились на южные уезды России и нанесли большой урон немногочисленному местному населению. Это вынудило правительство царя Михаила Романова начать укрепление земель, но средства на это важное дело выделялись слабо, и население было вынуждено заботиться о себе самостоятельно. Ситуация кардинальным образом меняется после воцарения Алексея Михайловича (1645), окружение которого поставило своей задачей начать решительное наступление на юг и продвинуть границы страны дальше, чем когда-либо. В 1646 г. начинается масштабное строительство оборонительных линий, соединившихся к 1654 г. в единую оборонительную систему – Белгородскую черту. Строительные работы вызвали также массовое переселение людей на южную окраину и обострило военные действия с крымскими татарами, а также с Османской империей. Несмотря на проблемы на южном фронте, Москва принимает решение начать войну на западе с Речью Посполитой. В результате Белгородская черта не была полностью закончена и строительные работы продолжались вплоть до 1682 г. В это время крупные набеги татар на земли Черноземья прекратились, и теперь «Дикое поле» было полностью подконтрольно Москве.

Все это время в регионе происходили важные социально-экономические перемены, нашедшие отражение в переписных книгах 1646 и 1678 гг. Достоверность переписных книг XVII в. обычно определяют 70 % (Водарский, 1968; Дементьев, 2015). Переписи петровского времени редко были в центре внимания исследователей, однако, по нашим данным, их достоверность также можно установить в пределах 70 % (Ляпин, 2021).

Далее мы остановимся на подробном рассмотрении социальных процессов в регионе на примере Белгородского, Воронежского и Елецкого уездов.

Белгородский уезд оформился к 1615 г., хотя его территория была заселена крайне неравномерно. Наибольшее количество поселений находилось на широкой равнине, изрезанной ручьями и небольшими речками, впадающими в р. Северский Донец. Развитие этих земель первоначально было обеспечено защитой белгородской крепости. Воронежский и Елецкий уезды также получили свое завершение к 1615 г. Более северный Елецкий уезд был лучше защищен лесными массивами, и потому население здесь традиционно было многочисленнее, а основная часть сельских поселений концентрировалась на притоках правобережья Дона. Южные земли Воронежского уезда долгое время не осваивались полноценно, а использовались в качестве отхожих промыслов. Самой заселенной частью была та, что находилась к северу от крепости или непосредственно рядом с ней, по рекам Дон и Воронеж. Динамика развития сельских поселений этих уездов в XVII в. показана на [Рисунке 1](#).

Следует также сказать, что, несмотря на административные изменения в регионе, связанные с появлением новых уездов, переписчики в 1678 г. отталкивались в своей работе от границ 1646 г. Это правило характерно и для переписей первой трети XVIII в. Соответственно в наших подсчетах мы исходили из уезда как конкретной стабильной территориальной единицы.

С точки зрения экономического аспекта сельское население уездов этого времени можно разделить на несколько категорий: крупных землевладельцев, имевших крестьян на своих землях; помещиков «средней руки», число крестьян которых не превышало 10; однодворцев, не имевших крестьян на своих землях; собственно самих крестьян. С 1652 г. правительство начинает формирование в регионе полков нового строя: рейтар, драгун, копейщиков. В этой связи новый статус получила значительная часть местного населения различного происхождения. Как правило, драгунами записывали дворянских крестьян, рейтарами однодворцев, а в копейщики – мелких служилых людей,

проживавших в крепостях (Петрухинцев, 2018). Однако новая военная градация мало затронула реальное экономическое положение социальных групп уезда, а в 1670-е годы правительство постепенно вернулось к традиционным боевым составляющим южного контингента войск.

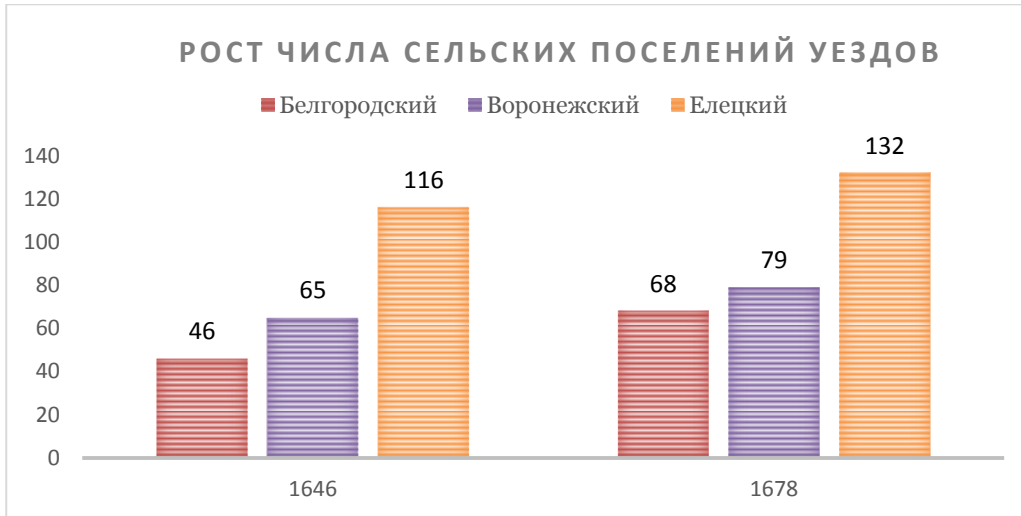

Рис. 1. Динамика развития сельских поселений Белгородского, Воронежского и Елецкого уездов в 1628–1678 гг. Источники: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15829, 15818 (Белгород); Переписная книга..., 1998. Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж, 1998. 208 с.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12286 (Воронеж); РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830 (Елец)

В процессе экономического освоения земель «Дикого поля» решающее значение имело строительство Белгородской черты. Оно значительно ускорило процесс хозяйственного освоения региона, поскольку выросло число служилых землевладельцев, соответственно сел и деревень стало заметно больше. Однако при этом был нарушен традиционный принцип хозяйственного уклада сельской жизни, который подразумевал наличие крестьян на землях служилых землевладельцев. Этот уклад начал складываться здесь после Смутного времени, но оказался разрушен интенсивными переселениями мелких помещиков в места военно-оборонительного строительства. Помещики-переселенцы получали земельные пожалования, которые становились основанием для их военной службы, а также способствовали развитию рынка и обеспечивали зерном свой военный участок. В условиях постоянных боевых действий крестьянское население не могло увеличиваться быстрыми темпами, и именно поэтому пашню обрабатывали сами помещики, образуя земельные общины. Однодворческое поместье (лишенное крестьян) было той формой землепользования, которая адекватно отвечала потребностям времени.

В 1650–1670-е годы – время интенсивного строительства военно-оборонительных сооружений и войн, которые вела Россия с Польшей, Швецией, Крымом и Османской империей – стало периодом окончательного оформления однодворческой общины, появившейся здесь еще на заре русской колонизации, в конце XVI в. Через сто лет, к концу XVII в., численность помещиков без крестьян в южных уездах составляла большинство от общей массы населения – 82,9 % (Важинский, 1974: 106).

Мелкие помещики, в большинстве своем не имевшие крестьян однодворцы, именовали себя в документах «сябрами», подразумевая под этим термином социальный слой, объединенный общей хозяйственной деятельностью, включая совместные промысловые угодья. Впервые на это обратил внимание В.М. Важинский, детально изучивший однодворческие «сказки» и земельные тяжбы (Важинский, 1974: 168-172). В свою очередь Б. Девис полагал, что сябры жили особыми «деревенскими коммунами», в рамках которых вели общую хозяйственную деятельность и защищали свои владения от нападений небольших татарских отрядов (Davies, 2004: 118-119). Конечно, община, основанная на добровольном объединении семейно-родовых групп, являлась условной единицей, не имевшей никакого юридического статуса. Государство, сталкиваясь с этой «трудовой коммуной» как фактом сельской жизни, официально не признавало ее как коллективное владение. Официально за каждым, даже самым бедным однодворцем, был закреплен конкретный земельный участок на правах частного пользования, данный ему на условиях несения военной службы.

Все старания государства, направленные на то, чтобы добиться разграничения коллективных владений в южных уездах, ни к чему не приводили (Чичерин, 1858: 50). Самая настойчивая попытка властей добиться четкого закрепления земель за каждым служилым человеком относится к 1678–1679 гг. Она была связана с началом очередных военных реформ правительства Федора Алексеевича. Тогда государство заявило о принудительном размежевании однодворческих владений и даже законодательно запретило коллективное владение земельными угодьями (Stevens Belkin, 1995: 154).

Но эта политика вызвала волну недовольства, и на деле осуществить данную законодательную инициативу было почти невозможно, так как мелкие помещики уже не мыслили себя вне общинного владения землей (Благовещенский, 1899: 22).

Устойчивость сельской общины была обусловлена ее практическим значением: коллективная хозяйственная деятельность была гораздо более эффективным способом освоения окружающего природного пространства в условиях «Дикого поля», чем самый упорный труд отдельной семьи. Местный социум распределял ресурсы в соотношении, позволяющем выжить всем своим членам, включая сирот и вдов. Рост численности однодворцев на примере Белгородского уезда показан на Рисунке 2.

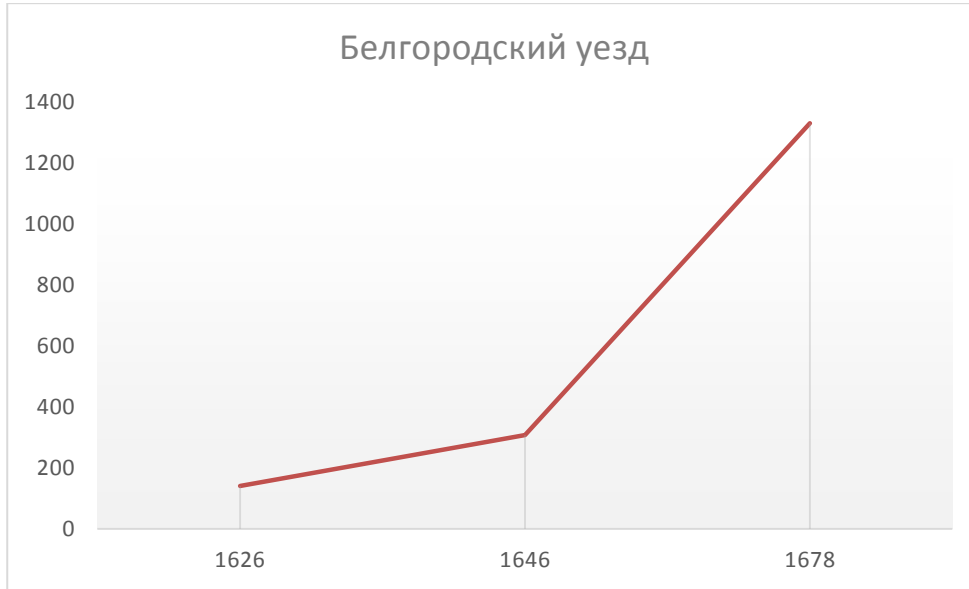

Рис. 2. Рост числа однодворцев Белгородского уезда. Источники: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15817; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15829, 15818 (Белгород); Переписная книга..., 1998. Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж, 1998. 208 с.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12286 (Воронеж); РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830 (Елец)

Петровские преобразования изменили социальный kaleidoscope изучаемого региона, хотя уездное общество это затронуло в меньшей степени. Фактическое расслоение единого слоя помещиков («детей боярских») постепенно получило в это время более или менее четкое юридическое оформление. Местная служилая элита образовала группу шляхетства, часть которой несла военную службу, а часть – гражданскую. Однодворцы в большинстве своем были записаны в полки ланд-милиции, сохранив при этом военное значение. Некоторые из них поступили в новые военные формирования.

Массовые источники петровского времени можно разделить на две группы: переписные книги 1710 и 1716/18 гг. (последние часто называются ландратскими) и смотры шляхетства в 1718 и 1720/21 гг. (Захаров, Ляпин, 2021: 84). Наибольшую ценность для нашего исследования представляют переписи 1710 и 1716/18 гг., так как они содержат информацию о сельском населении региона и отражают проходившие здесь социальные процессы.

Возьмем для примера данные по территории бывшего Воронежского уезда за 1710 и 1716 гг. Несмотря на то, что официально уезды уже были отменены, переписи традиционно проходили в их пределах. По данным переписи, население делится на однодворцев, казаков, крестьян и священнослужителей.

Крестьянское население представляет особый интерес для исследования, поскольку его роль в экономическом развитии региона была довольно высока. Крестьяне, которые не несли военной службы, были полностью заняты хозяйственной деятельностью, и их наличие всегда указывало на относительно высокую степень освоения определенной территории. Показательно, что, сравнивая 1710 и 1716 гг., мы не видим ни одного поселения, где бы количество крестьян выросло. Можно однозначно говорить о повсеместном падении численности этой группы населения (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 113). Местами убыль крестьянских семей была особенно значительной и в среднем составила 40% за 6 лет. Всего в 1710 г. в Воронежском уезде по нашим подсчетам проживали 1858 крестьян мужского пола, а в 1716 г. их было 870. Представленные данные отражают общую тенденцию, согласно которой крестьянский двор не представлял собой стабильную хозяйственную единицу. В итоге община мелких помещиков в начале XVIII в. все еще сохраняла за собой хозяйственную

инициативу, несмотря на то, что ее члены продолжали нести военную службу и привлекались к участию в военных действиях.

На фоне уменьшения численности крестьян количество однодворческих дворов стабильно росло. Так, по данным переписей 1710 и 1716 гг. Белгородского уезда, число однодворцев абсолютно преобладало. В Елецком уезде ситуация была примерно такой же. Однако здесь представлен военный статус однодворца: солдат, рейтар, копейщик, городской (т.е. приписанный к службе только в своем регионе). Данные по трем переписным (ландратским) книгам представлены на [Рисунке 3](#) в виде диаграммы.

Рис. 3. Соотношение численности однодворцев и крестьян, по данным переписей 1716/18 гг. в границах бывших Белгородского, Воронежского и Елецкого уездов.

Источник: РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 21 (Белгород), Д. 94 (Воронеж), Д. 113 (Елец)

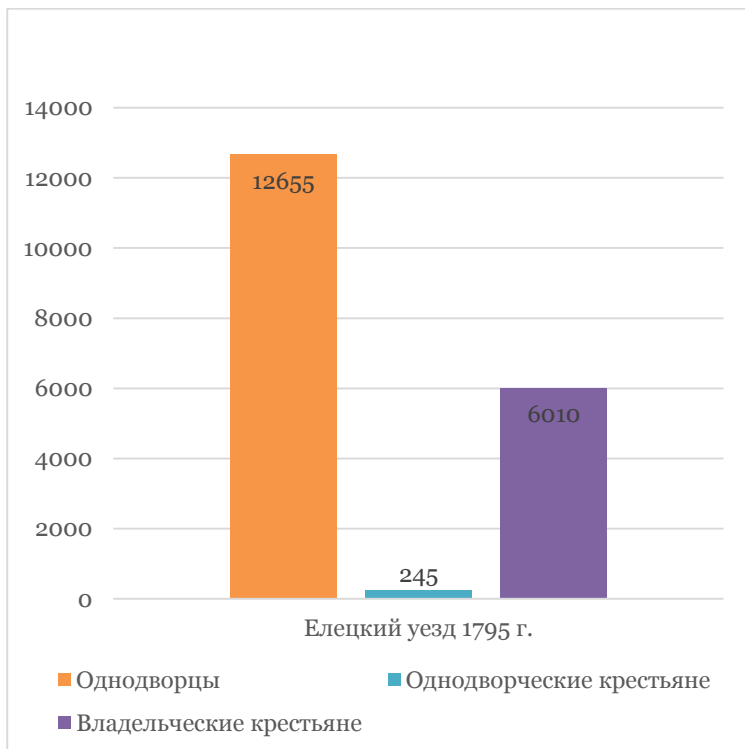

Рис. 4. Соотношение однодворцев, однодворческих и владельческих крестьян в границах бывшего Елецкого уезда по данным на 1795 г.

Источник: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972

Конечно, следует учитывать, что в Воронежском уезде большая группа крестьян (212) проживала на землях местного митрополита Пахомия и архиепископа Арсения. Кроме того, данные по количеству крестьянского населения в Белгородском и Елецком уездах относительны в силу специфики источника и отражают скорее общую картину.

Что касается сельской элиты этого времени, то она отличалась значительной мобильностью. К службе в своей губернии привлекались в основном отставные, больные и увечные помещики, а остальные не проживали в своих владениях постоянно. Если брать границы бывших уездов, то примерная численность этого слоя лиц составляла около 120 человек (Захаров, Ляпин, 2021: 85).

На протяжении всего XVIII в. численность сельского населения исторического региона Белгородская черта увеличивалась. Хотя социальный состав населения оставался в общих чертах таким же, как и в конце XVII в., в количественном соотношении ситуация изменилась в пользу «владельческих крестьян», но происходило это за счет появления новых сельских поселений. В старых селах и деревнях соотношение оставалось в основном в пользу однодворцев. Они были окончательно отставлены от военной службы, но их статус так и не получил четкого юридического определения. Рассмотрим для примера данные по Елецкому уезду за 1795 г. из Экономических примечаний к планам дач генерального межевания. Наглядно это соотношение представлено на Рисунке 4.

Интересно также отметить, что численность однодворцев в сельских поселениях бывшего Елецкого уезда в сравнении с 1716 г. выросла в 12 раз (см. Рисунок 7). При этом источник фиксирует поселения, где проживали исключительно однодворцы, а также те, где население состояло только из «владельческих крестьян» (Жиров, 2022).

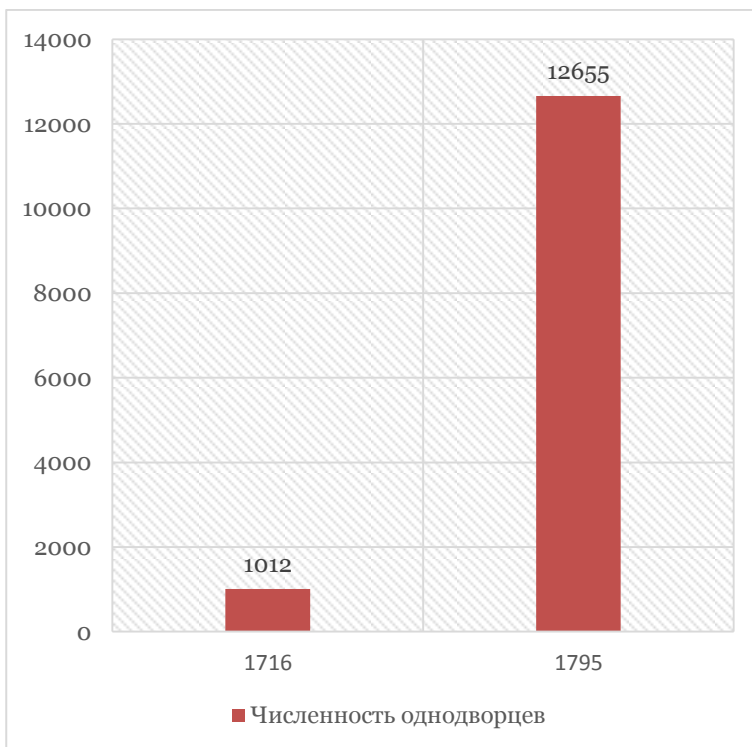

Рис.5. Соотношение однодворцев, однодворческих и «владельческих крестьян» в границах бывшего Елецкого уезда

Источник: РГАДА. Ф. 310. Оп. 1. Д. 113; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972

Как видим, однодворцы в конце XVIII в. также оставались основной социальной категорией, хотя отношение к ним государства теперь было двойственным. Вопрос о правовом статусе однодворческого населения достаточно сложен (Нечаев, 2022). Очевидно, что потомки строителей Белгородской черты в конце XVIII в. представляли устойчивое сообщество, являлись по своей сути особой полноценной сословной группой, хотя верховная власть отказывалась признавать их привилегированным слоем в социальной структуре империи. Современный исследователь В.В. Нечаев верно предполагает, что причиной этого было нежелание высшего дворянства, видевшего в лице однодворцев конкурентов в борьбе за земли, государственную службу и прочие привилегии, поступаться своими правами. В итоге во второй половине XVIII в. высшая аристократия периодически оттесняла однодворцев в сторону крестьянства, используя бюрократические методы и законодательство, что прямо противоречило историческому наследию Российского государства.

В результате однодворцы оказались в рядах крестьянского сословия, хотя несли службу, имели земли и в отдельных случаях – крестьян (Ляпин, 2010).

5. Заключение

Однодворческое землевладение стало результатом процесса внутренней колонизации обширных черноземных земель «Дикого поля», вошедших в состав России в XVII в. Борьба, которая непрерывно сопровождала этот процесс, вынуждала Москву идти на крайние меры, а именно – построить огромный комплекс военно-оборонительных сооружений, известных как Белгородская черта. Этот важный шаг повлек за собой демографический рост и привел к увеличению числа мелких помещиков, не имевших крестьянских дворов. Они существовали в рамках общины и в итоге, обороняя земли от набегов, занимались их распашкой. В XVIII в., когда граница была отодвинута к югу, однодворцы стали заниматься главным образом сельским хозяйством, хотя правительство первое время привлекало их к военной службе. Вместе с тем стремительно росло и количество крепостных, «владельческих крестьян», но хозяйственная роль однодворцев оставалась велика. В социальном плане потомки первых колонизаторов «Дикого поля» продолжали быть активными, участвовали в судебных спорах и тяжбах с крупными землевладельцами, напоминая в спорах о своих прежних заслугах в войнах московского государя.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина".

Литература

- Благовещенский, 1899 – Благовещенский Н.А. Четвертное право. М.: Типолитография Товарищества Н.Н. Кушнерев и К°, 1899. 538 с.
- Важинский, 1974 – Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1974. 237 с.
- Водарский, 1968 – Водарский Я.Е. К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. // *История СССР*. 1968. № 2. С. 133-143.
- Дементьев, 2015 – Дементьев В.С. История учета населения России до начала XX в. // *Географический вестник*. 2015. № 4(35). С. 11-17.
- Жиров, 2019 – Жиров Н.А. Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. (Воронежский, Елецкий и Ливенский уезды) // *Вопросы истории*. 2019. № 8. С. 147-156.
- Жиров, 2022 – Жиров Н.А. Социально-экономическое развитие территории бывшей Белгородской черты по материалам «Экономических примечаний» к планам Генерального межевания Елецкого уезда Орловской губернии // *Вопросы истории*. 2022. № 9-1 С. 76-84. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi10
- Жуков и др., 2013 – Жуков Д.С., Ляпин С.К., Канищев В.В. Фронтир и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII – XVIII вв. // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2013. № 10(126). С. 6-12.
- Захаров, Ляпин 2021 – Захаров А.В., Ляпин Д.А. Служилые люди и помещики Азовской губернии при Петре I: к вопросу о социальной идентичности по массовым источникам 1710–1723 гг. // *История: факты и символы*. 2021. № 4(29). С. 83-98.
- Ляпин, 2010 – Ляпин Д.А. Из помещиков в крестьяне: о происхождении сословия государственных крестьян-однодворцев // *История в подробностях*. № 6. 2010. С. 11-16.
- Ляпин, 2021 – Ляпин Д.А. Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал // *Quaestio Rossica*. 2021. Вып. 9(1). С. 254-264.
- Мизис, Кащенко, 2011 – Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. 2011. № 1. С. 9-16.
- Милов, 2001 – Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва: РОССПЭН, 2001. 572 с.
- Нечаев, 2022 – Нечаев В.В. Непризнанное сословие (однодворцы Центрального Черноземья в XVIII – начале XIX вв.) // *История: факты и символы*. 2022. № 2(31). С. 92-107.
- Переписная книга..., 1998 – Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж: ВГУ, 1998. 324 с.
- Петрухинцев, 2018 – Петрухинцев Н.Н. «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658–1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края) // *История: факты и символы*. 2018. № 3(16). С. 106-129.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Уффельманн, 2013 – Уффельманн Д. Подводные камни внутренней (де)колонизации России // *Политическая концептология*. 2013. № 2. С. 57-84.

Ходарковский, 2019 – *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. Перевод с английского А. Терещенко. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Чичерин, 1858 – *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. Москва: Тип. Эрнста Барфкиехта и комп., 1858. 402 с.

Эткинд и др., 2013 – *Эткинд А.М., Уффельманн Д., Кукулин И.В.* Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // *Политическая концептология*. 2013. № 2. С. 31-56.

Эткинд, 2013 – *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Перевод с английского В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

Devies, 2004 – *Devies L.B.* State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.

Smith, Christian, 1984 – *Smith R.E.F., Christian D.* Bread and salt: a social and economic history of food and drink in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 391 p.

Stevens Belkin, 1995 – *Stevens Belkin C.* Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois: Northern Illinois University Press, 1995. 241 p.

References

Blagoveshchenskiy, 1899 – *Blagoveshchenskiy, N.A.* (1899). Chetvertnoe pravo [Fourth right]. Moscow, Tipo-litografiya Tovarishchestva N.N. Kushnerev i K^o, 538 p. [in Russian]

Chicherin, 1858 – *Chicherin, B.N.* (1858). Opyty po istorii russkogo prava [Experiments on the history of Russian law]. Moscow, Tip. Ernsta Barfkiekhta i komp., 402 p. [in Russian]

Dement'ev, 2015 – *Dement'ev, V.S.* (2015). Istoriya ucheta naseleniya Rossii do nachala XX v. [The history of accounting for the population of Russia until the beginning of the 20th century]. *Geograficheskii vestnik*. 4(35): 11-17. [in Russian]

Devies, 2004 – *Devies, L.B.* (2004). State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649 (2004). New York, Palgrave Macmillan, 308 p.

Etkind i dr., 2013 – *Etkind, A.M., Uffel'mann, D., Kukulin, I.V.* (2013). Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoy i voobrazheniem [Internal colonization of Russia: between practice and imagination]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2: 31-56. [in Russian]

Etkind, 2013 – *Etkind, A.* (2013). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Pervod s angliyskogo V. Makarova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]

Khodarkovskiy, 2019 – *Khodarkovskiy, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppe borders of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800]. Pervod s angliyskogo A. Tereshchenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 352 p. [in Russian]

Lyapin, 2010 – *Lyapin, D.A.* (2010). Iz pomeshchikov v krest'yane: o proiskhozhdenii sosloviya gosudarstvennykh krest'yan-odnodvortsev [From landlords to peasants: on the origin of the class of state peasants-odnodvortsev]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 6: 11-16. [in Russian]

Lyapin, 2021 – *Lyapin, D.A.* (2021). Landratskie knigi: kharakteristika istochnika i ego informatsionnyy potentsial [Landratsky books: characteristics of the source and its information potential]. *Quaestio Rossica*. 9(1): 254-264. [in Russian]

Milov, 2001 – *Milov, L.V.* (2001). Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. M.: ROSSPEN, 572 p. [in Russian]

Mizis, Kashchenko, 2011 – *Mizis, Yu.A., Kashchenko, S.G.* (2011). Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [The problem of the formation of the Russian frontier in the south of Russia in the 16th – first half of the 18th centuries in Russian historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya*. 1: 9-16. [in Russian]

Nechaev, 2022 – *Nechaev, V.V.* (2022). Nepriznannoe soslovie (odnodvortsy Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVIII – nachale XIX vv.) [Unrecognized class (odnodvortsy Central Chernozem region in the XVIII – early XIX centuries)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 2 (31): 92-107. [in Russian]

Perepisnaya kniga..., 1998 – *Perepisnaya kniga Voronezhskogo uezda 1646 goda. Podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya V. N. Glaz'eva.* [Census book of the Voronezh district of 1646]. Voronezh, VGU, 1998. 324 p. [in Russian]

Petrukhintsev, 2018 – *Petrukhintsev, N.N.* (2018). «Razryadnaya» voennaya reforma Alekseya Mikhaylovicha i ee vliyanie v 1658-1660 gg. na yuzhnye sluzhilye «goroda» Rossii (po materialam gorodov Lipetskogo kraja) [“Discharge” military reform of Alexei Mikhailovich and its influence in 1658–1660. on the southern service “cities” of Russia (based on the materials of the cities of the Lipetsk Territory)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 3(16): 106-129. [in Russian]

RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Smith, Christian, 1984 – *Smith, R.E.F., Christian, D.* (1984). Bread and salt: a social and economic history of food and drink in Russia (1984). Cambridge, Cambridge University Press, 391 p.

- Stevens Belkin, 1995 – Stevens Belkin, C. (1995). Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois, Northern Illinois University Press, 241 p.
- Uffel'mann, 2013 – Uffel'mann, D. (2013). Podvodnye kamni vnutrenney (de)kolonizatsii Rossii [Pitfalls of internal (de)colonization of Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2: 57-84. [in Russian]
- Vazhinskiy, 1974 – Vazhinskiy, V.M. (1974). Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke [Land tenure and the formation of a community of one-courtiers in the 17th century]. Voronezh, Izd-vo VGPI, 237 p. [in Russian]
- Vodarskiy, 1968 – Vodarskiy, Ya.E. (1968). K voprosu o dostovernosti perepisnykh knig XVII v. [To the question of the reliability of census books of the 17th century]. *Istoriya SSSR*. 2: 133-143. [in Russian]
- Zakharov, Lyapin, 2021 – Zakharov, A.V., Lyapin, D.A. (2021). Sluzhilye lyudi i pomeshchiki azovskoy gubernii pri Petre I: k voprosu o sotsial'noy identichnosti po massovym istochnikam 1710–1723 gg. [Service people and landowners of the Azov province under Peter I: on the issue of social identity according to mass sources 1710–1723]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 4 (29): 83-98. [in Russian]
- Zhirov, 2019 – Zhirov, N.A. (2019). Sel'skiy «mir» i hozyajstvennoe osvoenie territorii Verhnego Podon'ya v nachale XVII v. (Voronezhskiy, Eleckiy i Livenskiy uезdy) [Rural “World” and economic Development of the Territory of the Upper Don at the beginning of the XVII Century. (Voronezh, Yelets and Livensky Counties)]. *Voprosy istorii*. 8: 147-156. [in Russian]
- Zhirov, 2022 – Zhirov, N.A. (2022). Social'no-ekonomicheskoe razvitie territorii byvshej Belgorodskoy cherty po materialam «Ekonomicheskikh primechanij» k planam General'nogo mezhevaniya Eleckogo uезда Orlovskoy gubernii (2022). [Socio-economic development of the territory of the former Belgorod line based on the materials of the “Economic Notes” to the plans of the General survey of the Yelets district of the Oryol province]. *Voprosy istorii*. 9-1: 76-84. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi10 [in Russian]
- Zhukov i dr., 2013 – Zhukov, D.S., Lyamin, S.K., Kanishchev, V.V. (2013). Frontir i fraktal: rezul'taty komp'yuternogo modelirovaniya dinamiki yuzhno-rossiyskogo frontira v seredine XVII – XVIII vv. [Frontier and Fractal: Results of Computer Simulation of the Dynamics of the South Russian Frontier in the Middle of the 17th – 18th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 10(126): 6-12. [in Russian]

Сельское население исторического региона Белгородской черты в контексте хозяйственного освоения пространств «Дикого поля» в XVII–XVIII вв.

Денис Александрович Ляпин ^а, Николай Анатольевич Жиров ^{а, *}

^а Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой важный опыт изучения локальной территории Центрального Черноземья на протяжении двухсот лет его истории в XVII–XVIII вв. Авторы сосредоточивают внимание на истории сельского населения региона на примере трех уездов: Белгородского, Воронежского и Елецкого. В ходе исследования были изучены массовые источники XVII–XVIII веков: переписные книги 1646 и 1678 годов, переписные книги 1710 и 1716/18 годов, экономические примечания к картам генерального межевания 1795 г. В итоге были сделаны выводы относительно специфики внутренней колонизации России. Было установлено, что решающую роль в экономическом развитии региона сыграло возведение комплекса военно-оборонительных укреплений в 1650-е годы. Это событие существенно изменило социальную структуру общества, нарушило естественный ход развития поместного землевладения, но позволило начать интенсивное освоение и обеспечить военное наступление на юг. В результате к концу XVII в. в регионе стала преобладать форма мелкого землевладения без крестьянских дворов (одnodворческого). Мелкие землевладельцы стали основным социальным элементом в структуре местного общества. Несмотря на реформы Петра и продвижение границы на юг, ситуация не изменилась. В 1795 году количество одnodворцев все еще превышало численность крестьян. Формирование специфического социального элемента – мелких землевладельцев – создало благоприятные условия для внутренней колонизации.

Ключевые слова: Белгородская черта, Центральное Черноземье, мелкие помещики, переписные книги, внутренняя колонизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров), lyapin-denis@yandex.ru (Д.А. Ляпин)